

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

СТРУКТУРА ВСЕЛЕННОЙ (МЕТАЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ) И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Аннотация. Для людей древнего мира познание физических законов мира и человеческого бытия состояло в мифологическом осмыслении сущего. Как ни парадоксально, система мифологических представлений о модели мира отражает законы классической физики.

Ключевые слова: древний человек, модель мира, жизнь, смерть, пространство, время, миф, видимое, невидимое.

Nadel-Cherwinska M.
Katowice, Poland

STRUCTURE OF THE UNIVERSE (METALANGUAGE ASPECTS) AND MYTHOLOGICAL BASES OF CONTEMPORARY SCIENCE

Abstract. For ancient people cognition of laws of physics and human existence consisted in mythological description of the existing things. The system of mythological beliefs about the world model reflects laws of classical physics.

Key words: ancient man, model of the world, life, death, space, time, myth, visible, invisible.

(Статья была написана для предполагаемого популярного переиздания «Истории физики» П. Лакура и Я. Аппеля: Лакур П., Аппель Я. Историческая физика. – Пер. с нем. – Mathesis, Одесса, 1908, тт. I-II. Поэтому в собственных именах и астрономических названиях сохранена орфография источника, а текст нашей работы оформлен, в соответствии с замыслом неопубликованной книги, с элементами научно-популярного стиля.)

Представьте себе, что по счастливой случайности вы оказались наедине с Ночью. Не в городе, где картину ее заслоняют электрические огни и где облако смога, нависшее над раскинувшимися кварталами, излучает неприятное грязновато-серое свечение, в котором, как в дымке, растворяется настоящее небо. Нет, сегодня вы – Одни в Ночи. Где-нибудь на природе – в поле или у речки, в лесу или в горах, на тихой деревенской улице или

в маленьком саду, затерявшемся далеко за городом среди множества таких же крошечных обработанных вручную участков земли – с деревьями, грядками, сорняками и пахучими травами...

Темнота, сгустившаяся вокруг вас, необычна своими тенями, звуками, запахами, очертаниями. Вы не узнаете того, что видели днем. Вам чуть-чуть не по себе и страшно от шорохов, треска, шуршания, резких внезапных звуков, раздающихся то где-то очень далеко, то совсем рядом. Вы вздрагиваете, ежитесь, пытаетесь разглядеть что-то в темноте или еще раз слышать нечто, неопределенное и непонятное. Но вам интересно: что же это такое? Где оно? Какое оно? И что оно делает там, где его не видно, не слышно? Сейчас вы так похожи на древнего человека, внезапно застывшего в зарослях – в ожидании того, что вот-вот должно наступить, произойти, появиться...

Чья-то тень метнулась над головой. Летучая мышь? Птица? Задетая кем-то ветка? Обман чувств? Вы запрокидываете головы и – над вами оказывается *огромное и бесконечное пространство* ночного неба, с россыпями крупных мерцающих звезд. Но где же Луна? Вы окидываете взглядом весь этот таинственный купол и не находите даже узкого серпика... Ах, да! Новолуние. Поэтому так темна это Ночь, окружившая вас. А теперь сделайте несколько осторожных шагов в сторону от протоптанной человеком дорожки и, углубившись куда-то, попробуйте определить, что есть что и кто есть кто в этой живой тишине и полупрозрачном мраке. Представьте себе, что именно вы – первый человек, которому предстоит открыть для себя Весь Мир, дать Имя каждому – предмету, существу, шороху, звуку – и на собственном (субъективном!) опыте познать и определить для себя Всё, что его окружает.

Так начиналось для первобытного человека чувственное познание мира: ЗЕМЛЯ и НЕБО – низ и верх, *мягкое, податливое и твердое, недостижимое*; СВЕТ и ТЬМА – день и ночь, тепло и холод, *видимое и невидимое, живое и мертвое, человеческое и нечеловеческое*; человек (я) и мир (*Вселенная*) – *малое и большое, близкое и далекое, конечное и бесконечное, смертное и вечное, понятное и недостижимое, свое (осознаваемое, нестрашное, освоенное) и чужое (непостижимое, страшное, опасное для человека; непонятное и грозное в своем величии)*.

И первым – естественным – этапом познания физических законов мира и человеческого бытия было *мифологическое ос-*

мысление сущего: в большом и малом, общем и частном, всеобъемлющем и конкретном. «Понятное» объяснялось просто, из обыденного человеческого опыта: небо – *твердое*, солнце и луна – по нему, как *по блюду, яблоками катаются*; звезды – дыры в нем, такие же, как *в сите* (поэтому, если идет дождь, то он *просеивается* через это большое сито). Но откуда на небе берется влага?

И древний человек населял НЕБО мифическими *существами*, или *сущностями*, если хотите. Например, *божественной матерью* всего сущего – это ее молоко каплет вниз, питая землю и все, что на ней произрастает. Или же *небесной коровой*, млеком которой является – или традиционно видится – МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ, а крутыми рогами – ночное светило МЕСЯЦ, *небесной семиглазой козой*, охраняющей, к примеру, в русской сказке *верхний мир и горячую печь*, в которой, вероятно, поддерживается *вечный огонь* – мифический *огонь солнца* и *огонь жизни*. *Семь глаз небесной козы* – это те же *семь звезд БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ*, т.е. созвездия НЕБЕСНОЙ КОРОВЫ, или ЛОСИХИ – как называют его, в частности, народы Сибири.

А еще древние называли ее (БОЛЬШИМ) ВОЗОМ и КОЛЕСНИЦЕЙ, а также НЕБЕСНОЙ ТЕЛЕГОЙ. И если мы можем сказать об обычной деревенской – и фольклорной – коровушке, что она *тучна* и что у нее *тучное* (т.е. *молочное*) *вымя*, то лишь потому, что наши предки и далекие предшественники почитали ТУЧИ НЕБЕСНЫЕ за *вымя небесной коровы* (или *богини-матери*). А проливающуюся на землю влагу принимали за ее *млеко*, питающее все *живое*, и за *семя*, оплодотворяющее *землю*, чтобы та давала *пышные*, т.е. *тучные, зеленые* и *сильные* всходы.

Вот *созвездия*, известные древним *грекам* и перечисленные астрономом Птолемеем, как написано у Фламариона, в следующем порядке. Старинные названия созвездий приводятся в статье по изданию: Фламарион К. История неба. / пер. с фр. – М., 1994. (Опубликованная в Париже в сентябре 1872 г. и переведенная на русский язык в 1875 г.; ротاپринтное переиздание.) Поскольку *порядок перечисления*, так же, как и *число* перечисляемого, мифологически всегда важны и традиционно – на уровне *метазнаковой системы* – значимы:

1) *Большая Медведица*, хвост которой упирается в *Северный Полюс*; 2) *Дракон*; 3) *Цефей*, вправо от *полюса*; 4) *Боотес*, или *Страж Медведицы*, со звездой *Актуром*; 5) *Северный Ве-*

нец, вправо от него; 6) Геркулес, или Человек на коленях; 7) Лира, или падающий Ястреб, с прекрасною звездю Вега; 8) Лебедь, или Птица, или Крест; 9) Кассиопея, или Седалище, или Трон; 10) Персей; 11) Возничий, с Капеллою, или Коза; 12) Офух, или Змееносец, или Эскулап (врачеватель); 13) Змей; 14) Стрела, с ее Дугою, или метательное Копьё; 15) Орёл, или парящий Ястреб, с Алтаиром (совр. Альтаиром); 16) Дельфин; 17) Малый Конь; 18) Пегас, или Крылатый Конь (т.е. большой), или Большой Крест; 19) Андромеда, или окованная Жена; 20) Северный Треугольник, или Дельта.

Затем Птолемею назвал 15 созвездий, расположенных к югу от эклиптики:

1) Кит; 2) Орион, со своими яркими звездами Ригелем и Батейгейзом; 3) Река Эридан, или Река Ориона, с блестящим Ахернаром; 4) Заяц; 5) Большой Пёс, с великолепною звездю Сириусом; 6) Малый Пёс, или Пёс (– предвестник), с Прокионом; 7) Корабль Арго, со своими прекрасными звездами Альфа (Каноп) и Эта; 8) Гидра – самка, или Уж; 9) Чаша, или Урна, или Ваза; 10) Ворон; 11) Алтарь, или Курительница; 12) Центавр, звезда Альфа которого ближайшая к Земле; 13) Волк, или Копьё Центавра, или Барс, или Зверь; 14) Южный Венец, или Кадуцей; 15) Южная Рыба, с Фомальгаутом.

При этом названы 18 звезд первой величины, служащие представителями то зодиакальных, то северных, то южных созвездий. Птолемею не упоминает созвездие Волосы Вереники, или Вероники, – созвездие, открытое астрономом Кононом, хотя хронологически оно должно было бы быть известно пишущему.

Как видим, многие СОЗВЕЗДИЯ носят имена известных героев древнегреческой мифологии. Однако и другие образы звездного неба отражают традиционные – мифологические – представления наших предков, от которых ведут свой род современные европейские народы.

Так, семь звезд Большой Медведицы соотносимы, по традиции, с семью днями недели, а также с семью гномами европейских фольклоров, тем самым представляя из себя модель времени сущего – т.е. объективного времени всего того, что населяет мир природы и человека. СЕМЬ ЗВЕЗД восходят к древним мифам, общим для разных народов, – мифам о шести братьях и красавице сестре (мифические персонификации семи дней недели, т.е. времени человеческой жизни) и о шести братьях и злобной мачехе-ведьме (персонификации семи дней

недели, но уже как *времени человеческой смерти*). Число СЕМЬ для числа *дочек людоеда* же, к примеру, будет также персонафицированной мифической *неделей*, однако будет уже при этом *временем смерти* как *нечеловеческой деструкции*, направленной всегда в сказке на *героя, обладающего нечеловеческой хитростью* или *магическим знанием*, которые он, например, может противопоставить ЛЮДОЕДУ и его *деструктивной силе*, пожирающей все *живое*; т.е. на героя *нечеловеческого*, а по В. Я. Проппу – «волшебного» происхождения.

Это – мифическое ВРЕМЯ как категория мифологического мироощущения древнего человека. И оно очень сложно для нашего понимания современного, поскольку традиционно будет выглядеть так:

1) *жизнь в жизни* – семь дней или семь лет (как *неделя жизни – человеческой*);

2) *жизнь в смерти* – семь дней или семь лет (как *неделя смерти – человеческой*);

3) *смерть в смерти* – семь дней или семь лет (как *неделя смерти – нечеловеческой*, т.е. *времени полной деструкции*, деструкции объективной).

Как видим, древние хорошо знали *закон подобия* (или – *соответствия*), по которому *человеческое* и *нечеловеческое*, *живое* и *мертвое*, *видимое* и *невидимое*, т.е. *реальное* и *ирреальное* для осязаемого мира человека – физического, как мы бы сказали сегодня, – существовали по одним и тем же *объективным* и, одновременно, *мифическим законам* – подчинялись им, развивались соответственно им.

Так был сформулирован (причем впервые и раньше всего – *мифологически*), по сути, физический закон *отражения*: принцип *близнечности* – как отражение в *зеркале* или на *водной поверхности*. Как *две половинки яблока* – сказочные БЛИЗНЕЦЫ (*два брата*, реже *брат и сестра*; ср. также: *два названных брата, рожденных в один день*, напр., ЯБЛОКО и КОЖУРА романской традиции и т. п.). ПРАВОЕ и ЛЕВОЕ – *две руки*, *две ноги*, *два глаза*, *два уха*, т.е. *симметрия человеческого тела*; однако то же будет в фольклоре – *истинное* и *ложное*, а в определенном (мифологическом) контексте – и *видимое* (*живое*, реально существующее) и *невидимое* (*мертвое* либо *нечеловеческое*, существующее где-то там, в *другом измерении*, по *ту сторону невидимой черты*, мифического рубежа между *этим* и *тем*, между миром живых и миром мертвых).

Однако этому же закону подчинялись такие мифические *близнецы*, как ДЕНЬ (светлое) и НОЧЬ (темное), СОЛНЦЕ (горячее) и ЛУНА (холодное), ВЕРХ (верхнее) и НИЗ (нижнее), ПРАВДА (правое) и ЛОЖЬ (левое), ЖИЗНЬ (видимое) и СМЕРТЬ (невидимое) и т.д. Если мы обратим внимание на *карту звездного неба*, то и там мы встречаем некую *двоичность*, или *близнечность*, мифических фигур *созвездий*: две МЕДВЕДИЦЫ, два ПСА (*большие и малые*), два ЯСТРЕБА (или та же мифологическая парадигма ОРЕЛ и ВОРОН, он же – «не-орел», антагонист «орла»), два КОНЯ, два ВЕНЦА, два ЗМЕЯ (ЗМЕЙ и ДРАКОН; либо ЗМЕЙ и ГИДРА-САМКА, она же, в др. варианте, УЖ), две РЫБЫ (ДЕЛЬФИН и КИТ; либо КИТ (мифологическое *рыба-кит*). Древние и *дельфина* воспринимали как *большую рыбу*) и ЮЖНАЯ РЫБА), два КРЕСТА; и наконец – *два полюса, два полушария* (ночного звездного неба).

Мало кто знает, к примеру, то, что КОЛЕСНИЦА (ВОЗ, ТЕЛЕГА) суть названья все того же *созвездия* БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ, мифической *медведицы*-праматери мира, а также праматери всего, сущего в нем. По представлениям всех древних народов, именно она воплощала мифологическую идею *времени мира*: движется по небу в определенном направлении, в своей тяге к СЕВЕРУ (вечному ледяному покою и холоду) – *миру смерти и миру мертвых*. Именно ей, *Б. Медведице*, соответствует в сказке *воз старика*, со скрипом взбирающийся *по дороге* (= МЛЕЧНОМУ ПУТИ) *в гору* или катящийся по ней же (и по нему же) *под гору*. Она (*медведица*; или он, если это *воз*) может «вмещать в себе», человека (или людей (часто в сказке – это *работники*)), а также предметы живой и неживой природы: *рыба, лисица, петух, курочка* – в первом случае, *живой*; *мешок, кувшин(ы), урожай, орудия труда, овчины, шуба* и т. п. – во втором, *неживой*.

Он(а) – как и соотношенное с ним (ней) число СЕМЬ – воплощает в себе символику *совершенства* и *полноты* (или *исполненности*), идею ЖИЗНИ и СМЕРТИ, а также воплощает в себе представления древних о НЕБЕСАХ и ВРАТАХ (РАЯ), НЕБЕСНОЙ КОРОВЕ (= МЕДВЕДИЦЕ), из *тучных сосков* (*небесного вымени*) которой сочтется *млеко небес* (или *хляби небесные*), о связи *живого* и *мертвого* (ср.: *лестница в небо* – *боб, веревка, дерево*, соединяющие в сказке ЗЕМЛЮ и НЕБО). При этом в символическом образе *колесницы времени* оно, число СЕМЬ, представляется как *совмещение, двух чисел*: числа ЧЕТЫРЕ –

традиционно соотношенного с *пространством времени* (= пространством жизни или смерти) и числа ТРИ – соотношенного с *осью времени мира*, т.е. с *прошлым, настоящим* и будущим в их триединстве, в том числе и для человека – *в жизни и в смерти*; причем последнее *состояние* значимо как *бытие человека в жизни потусторонней*.

Кстати, если мы обратим внимание на второе название созвездия МАЛОГО ПСА, а именно: ПЕС ПРЕДВЕСТНИК, – то оно отражает архаику представлений о функциях СОБАКИ (ПСА) как *человеческой тени, проводника на тот свет* (сопровожающего умершего в мир мертвых), (*пред*)*вестника смерти* и первоначально *хтонического животного*. Животного, принадлежавшего одновременно *миру живых и миру мертвых* и потому осуществляющего постоянную *связь* между ними, т.е. между *тем и этим*, между *мертвым и живым*, между *невидимым и видимым*.

Именно этими мифологическими представлениями наших предков о СОБАКЕ, верном спутнике человека в *жизни и смерти*, не только объясняются сюжеты многих сказок, но также, благодаря знанию их, становятся понятными пословицы, приметы, обряды, суеверия, связанные с *культулой мертвых*, в том числе объясняются *очистительные функции* реального ПСА (зализывает раны человека; пожирает болезнь и даже смерть своего хозяина, т.е. спасает его от верной гибели; заранее предупреждает об опасности; поедает все нечистое, а потому опасное для человека; сторожит – особенно в ночи и в незнакомом месте; помогает в добывании пищи, а также в охоте и т.д.).

Интересно, что Исаак Ньютон считал, что такая *карта звездного неба* была составлена греками в «промежуток похода Аргонатов и Троянской войной». Во всяком случае, КОРАБЛЬ АРГО на *звездном куполе* есть. Объясняет же свою хронологическую версию великий физик так: «Греки не преминули бы упомянуть о битвах под Троей, если бы сфера не была уже совершенно составлена до знаменитой осады»

В то же время, учитывая законы мифологического мироощущения древних народов, Ньютону можно было бы возразить следующим образом: во-первых, ЗВЕЗДНОЕ НЕБО, спроецированное как *карта созвездий*, отражает мифический слой человеческого коллективного мироощущения, а не исторический. А осада Трои была историческим эпизодом, хотя и

осмысленным на мифологическом уровне, – это уже не собственно МИФ, а ЛЕГЕНДА, т.е. мифологизированный рассказ об имевшем место событии. Во-вторых, если *плавание аргонавтов* и рассматривать как историческое, а не мифическое событие, то не исключено следующее: *небесное созвездие* могло называться ранее просто КОРАБЛЬ, а АРГО к нему прибавилось позже, как дань реально свершившемуся походу.

Однако «Арго» – имя мифического *корабля, ходившего за море* в далекие неведомые страны, за *золотым руном*. Поэтому он, чудесный *корабль аргонавтов*, является также эквивалентом архаических представлений о ЛАДЬЕ СМЕРТИ, переплывающей туда и обратно рубежное водное пространство, отделяющее от мира живых опасный мир мертвых, находящийся *по ту сторону моря*. И, плавая так, ЛОДКА связывает два этих мира между собой, т.е. подобные доказательства Ньютона весьма относительны и в данном – традиционном – контексте описания метазнаков Звездного Неба выглядят, на наш взгляд, даже спорными.

Зато сам же Ньютон, говоря о *звездной карте*, правомерно прослеживает связь небесных символов – а мы назовем их **метазнаками созвездий**, или **созвездиями-метазнаками**, вполне осмысленными древними греками с точки зрения *традиционного и мифологического*, – в контексте греческого ПАНТЕОНА, БОГОВ, коим посвящаются эти архаические символы изначально в коллективном понимании и ритуале.

«На сфере Музея мы видим золотого ОВЕНА, который был на флаге корабля Колхиды, видим медноногого ТЕЛЬЦА, укрощенного Язоном, БЛИЗНЕЦОВ Кастора и Полукса, двоих Аргонавтов около ЛЕБЕДЯ Леды, их матери. Тут представлены также КОРАБЛЬ АРГО и ГИДРА, затем ЧАША Медеи и ВОРОН – символ смерти, при трупях. С другой стороны замечаем ХИРОНА, Язонава учителя, со своими жертвенником и жертвоприношением; Аргонавта ГЕРКУЛЕСА с его СТРЕЛОЙ и падающим КОРШУНОМ; ДРАКОНА, РАКА и ЛЬВА, которого он убил; ЛИРУ – инструмент АРГОНАВТА ОРФЕЯ. Все эти фигуры относятся к АРГОНАВТАМ», – наблюдение Ньютона, цитируемое Фламарьоном, любопытно, однако *мифологически* созвездия можно было бы объединить и в качественно иные *смысловые группы*. Причем вариантов подобных групп можно было бы насчитать несколько, что так же традиционно оправдано – *модель АРГОНАВТОВ*, верно замеченная естествоиспытателем в звездном

«рисунке» небесного купола и верно им описанная, есть одна из многих *частных проективных моделей общей модели мира*, общей модели, закрепленной, в частности, в коллективном архаическом сознании как *карта небес*.

Однако послушаем физика далее: «Тут же изображены ОРИОН, сын Нептуна или, по мнению некоторых, внук Миноса, со своими СОБАКАМИ, ЗАЙЦЕМ, РЕКОЮ и СКОРПИОНОМ. История Персея обозначена созвездиями – ПЕРСЕЙ, АНДРОМЕДА, ЦЕФЕЙ, КАССИОПЕЯ и КИТ. История Каллисто и ее сына, Аркаса, представляют БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА и СТРАЖ МЕДВЕДИЦЫ. Историю Икара и его дочери, Тригоны, обозначают ПАСТУХ, КОЛЕСНИЦА и ДЕВА. МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА намекает на одну из кормилиц Юпитера, ВОЗНИЧИЙ – на Эрихтониуса, ЗМЕЕНОСЕЦ – на Фобоса, СТРЕЛЕЦ – на Кролуса, сына кормилицы Муз, КОЗЕРОГ – на Пана, ВОДОЛЕЙ – на Ганимеда. Тут же находится ВЕНЕЦ Арианы (но, обратим внимание, не *Ариадны*), КРЫЛАТЫЙ КОНЬ Беллерофона, ДЕЛЬФИН Нептуна, ОРЕЛ Ганимеда, Юпитерова КОЗА со своими КОЗЛЯТАМИ! КОЗЛЯТА Бахуса, РЫБЫ Венеры и Купидона и ЮЖНАЯ РЫБА. Вышеозначенные созвездия и ТРЕУГОЛЬНИК надо считать самыми древними, о которых упоминает Арат, и все они относятся к АРГО-НАВТАМ, к их современникам и к грекам, жившим двумя, тремя поколениями ранее. Из всего, обозначенного на этой сфере, самым новейшими бесспорно следует принимать изображения, относящиеся к походу Аргонавтов».

Согласитесь, что здесь, с современной точки зрения, первооткрывателю закона всемирного тяготения явно не хватает логики и научной обоснованности анализа. В то же время широкие познания в области античной мифологии позволяют ему с легкостью, не доступной современному «не мифологизированному» сознанию, проецировать различные *частные модели мира* (или вторичные ММ, как возникающие в архаическом сознании коллектива новые мифологические проекции) в контексте древних *карт звездного неба*. Подобные, *частные ММ*, присутствуют и на любой современной *топографической карте* – в контексте *ландшафтов* и их исторических названий, а также названий населенных пунктов, старинных и новых. Любопытному читателю, в связи с приведенными цитатами из Ньютона, будет небезынтересно покопаться в современных справочниках по греческой и римской мифологии, чтобы разыскать все, упо-

мянутые физиком, мифические *имена*. И многие из них будет найти совсем не просто...

Однако Исаак Ньютон был прав в главном: *карта звездного неба* всегда и у любого народа представляла собой своеобразный свод мифологических представлений о *картине мира* – об отношениях временных и пространственных. Поскольку анализ этих отношений представляется в контексте небольшой статьи слишком сложным, то постараемся дать лишь общие, а потому и более доступные нашему пониманию, представления о мифологической СИСТЕМЕ МИРА, т.е. попытаемся увидеть мир как бы глазами праевропейца. Подробно и с разных сторон мы излагали свою теорию в ряде своих монографий: Надель-Червинская М. «Профанный и сакральный уровни фольклорного текста» (1996); «Фольклор славян – его семантика и структура» (1996); «Миф и сказка. Реконструкция архетипического» (1996); «Язык и сознание: парадигматика русской пословицы» (2006). А также в 4-х книгах монографии «Миф и мир европейца. Психология творчества в образах архетипического. У фольклорных истоков Веселой книги о плотнике из Кламси» (1997-2000), с первой из частей ее можно познакомиться в настоящее время по следующим электронным адресам: <http://nicomant.blogspot.com/> и <http://romain-rolland.blogspot.com/>. Три первые монографии были составными частями проекта, осуществленного совм. с П. Червинским, «Энциклопедический мир Владимира Даля. В трех книгах, 6-х тт.» – «Книга первая: Птицы» (т. 1. 510 с., т. 2. 511 с.); «Книга вторая: Дикие звери» (т. 1. 544 с., т. 2. 608 с.); «Книга третья: Домашние животные» (т. 1. 542 с., т. 2. 542 с.). К сожалению, в продажу в 1996 г. поступил только первый двухтомник, хотя книги были напечатаны, как и не были приняты в издательство, подготовленные по договоренности с ним, пять следующих книг данной серии: «Насекомые» (2 т.), «Обитатели вод» (2 т.), «Гады» (1 т.).

Как мы уже говорили выше, мир всегда представлялся человеку как *две половинки яблока* – как *зеркальные миры* (*видимого* и *невидимого, человеческого* и *нечеловеческого*), которые суть миры идентичные и взаимообратимые, как некое изначальное единство *жизни* и *смерти*. Это – двуединство и борьба противоположностей (философский закон *бытия*). Это – своеобразные *«сообщающиеся сосуды»*, некое мифическое равновесие двух миров (физический закон *бытия*). Этот закон утверждает, что ничего не исчезает в мире бесследно, а просто

меняет форму, перетекая из одного состояния в другое, и он актуален также для «сюрреального» бытия мифологической МОДЕЛИ МИРА (ММ). Так, уменьшение какого-либо качественного или количественного показателя в одном неизбежно прибавляет «качества» или «количества» в чем-либо другом. Но это не только «игра в путаницу», поймавшая в свои вербальные сети кэрролловскую Алису. Таков, в частности, в любом фольклоре, мифологический закон *распределения родовой креативной силы* – закон распределения *мужской силы* рода, между членами последнего и их потомками, по наследству.

Наконец, неведомый и всегда страшный для человека *мир невидимого* есть то самое ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, ирреальное и идеальное, вокруг которого велись и ведутся разнообразные научные, философские, религиозно-мистические и другие споры. Есть то самое «идеальное», а точнее сказать «мифологическое», мироощущение невидимого пространства, о котором, если следовать формулировке, к примеру, Карла Маркса, мы просто еще не знаем, что оно материально. А именно таким представлялось оно когда-то носителям архаического сознания (архетипического) и традиционной культуры (мифофольклорной).

С точки зрения логики мифа, ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ есть ничто иное как *мир видимого* и *жизнь человеческая* (или *жизнь человека в жизни* как таковая – в ее *временных, пространственных и динамических* проявлениях). В традиционном восприятии любой архаичной культуры они, эти *измерения*, реализовались по-разному: 1) как *прошлое – настоящее – будущее* (т.е. как *горизонтальная ось времени мира*), или 2) как *юность – зрелость – старость* (т.е. как *динамическая* и так же *горизонтальная ось времени жизни* – например, *человеческой*), или 3) как *обретение знания* (юношеская инициация) – *обретение силы* (мужская инициация) – *обретение власти* (посвящение в *цари, вожди* или *маги*), или наконец 4) как *весна – лето – осень* (т.е. *динамическая ось* традиционного и мифического разворачивания *календарного года* и *года жизни* – человеческой жизни, по аналогии с жизнью природной).

Тем самым «четвертое измерение» одновременно, с точки зрения той же логики мифа, есть также *мир невидимого* и *смерть человеческого* (а точнее – *мифическая жизнь человека в смерти*, т.е. бытие после физического момента *смерти*). Это и есть собственно *смерть*, утрата *силы* (или *силы*

мужского родового – как *креативного начала*), а потому это и есть *зима, холод, голод* – т.е. *неумная сила деструкции*, уничтожающая (или *пожирающая*) все живое, попадающее на ее пути. Это, другими словами, и есть фольклорное триединство (по В. Н. Топорову – «триада») – мифическая совокупность а) силы смерти; б) времени смерти; в) пространства смерти. Триединство, традиционно противопоставленное другой парадигме-триаде, – мифическая совокупность а) силы жизни; б) времени жизни; в) пространства жизни. Парадигме, поскольку в контексте мифологического (= архетипического) триада *сила – время – пространство* является актуальными для носителя фольклорной традиции формами – в первом случае формами *смерти*, во втором – формами *жизни*.

И что характерно: для познания этих мифических отношений между жизнью человеческой и смертью человеческой древним необходимы были точные измерения *силы* и *веса*, *направленности* и *сопротивления*, *законы взаимодействия противоположно направленных сил* и *законы сложения сил однонаправленных*. Все это, как ни покажется на первый взгляд странным, отражено, например, в сказках любого народа – в том числе в мифах каждой архаичной примитивной культуры. Только описано оно в фольклоре на языке символов, или вернее на метаязыке сакрального знания (или как более привыкли говорить собиратели фольклора – на языке иносказания, что принципиально, на наш взгляд, неверно и противоречит самой семантической системе метаязыка архаического сознания), и потому требует расшифровки и понимания. А это совсем просто.

Так, была выдвинута некогда гипотеза о том, что всякая Вселенная имеет *во времени* свое начало и свой конец, а затем на смену ей приходит другая, *новая*, затем еще и еще – и такая *цепь Вселенных* уже бесконечна. Однако эта современная научная гипотеза при ближайшем рассмотрении оказывается – что называется «старой, как мир» – мифологической СИСТЕМОЙ РАЗВЕРТЫВАНИЯ мифической *модели мира* (ММ), отраженной в любом народном *эпосе* и хорошо знакомой также сегодня, например, по тексту *Библии*. Это мир, имеющий свое *начало мира* (т.е. *точку отсчета*, и(ли) *точку первотолчка*) и имеющий свой *конец мира* (т.е. *точку конца*, или *точку Судного Дня*, – *конец мира*, с частной проекцией его в еванге-

лической модели *Апокалипсиса*, как «неизбежность конца света»).

В промежутке между этими двумя точками, точками *начала* и *конца*, мир прежде всего разворачивается, а затем свертывается (или сворачивается – в сказке так из *яйца*, либо *ларчика*, получается *дворец* или *город*; так же разворачивается, или точнее разматывается, указывая дорогу героине, а затем сматывается обратно магический *клубок ниток*). И развертывание, и свертывание общей ММ, как и любых частных ее проекций (или частных ММ = отраженных проекций общей *модели мира*), традиционно всегда предполагает значимые ЧЕТЫРЕ ЭТАПА:

1) *этап первотворения* (сотворения мира как такового; мифический креативный акт);

2) *этап установления порядка* (мирового порядка; или упорядочения созданного мира);

3) *этап сотворения сущего* (в уже созданном мире; или сотворения жизни на земле);

4) *этап установления порядка* (порядка сущего и – в мире сущего; в мире социальном).

Первые такие четыре этапа (соответственно разворачиванию ММ и законам этого ее «разворачивания») происходят в *мире жизни*, т.е. во времени и пространстве Жизни (*природы* и/ли *человека*). Последующие такие же четыре этапа (соответствующие свертыванию ММ) – происходят в *мире смерти*, т.е. во времени и пространстве мертвого человеческого, или в *мире умерших* (предков рода человеческого), либо же во времени и пространстве собственно *Смерти* – «смерти» вообще и как таковой (некоего *бесполого* и одновременно *двуполого* мифического сущего дв ue единства Начала и Конца *Всего Сущего*). И – «жизнь начинается сначала», на новом витке бесконечного Бытия. Символом этого «вечного поступательного движения *жизни* (и *смерти*)» – или же «вечного поступательного движения *в жизни* (и *в смерти*)» – является греческий орнамент «меандр», а также «река»-рубеж (в воды которой никто не может войти дважды). Таким же образом традиционно воспринимались в архаике коллективного сознания «плетение косы», либо «вереи» (веревки, каната), а также «колос», «дорога» (как *дорога жизни*, или *дорога смерти*, например, на погост, кладбище). Аналогично значимы и многие танцевально-игровые элементы любой народной традиции – танец и игра типа «ручеек», «змейка», «лен-

та», «цепочка» и прочее – как та же символическая цепочка из лежащих на боку «восьмерок», математических знаков-символов бесконечности.

Обратим внимание: для понимания сущности этих сложнейших мифологических и философско-психологических моментов бытия нашим предкам необходимо было знать немало о физических свойствах самых разных предметов, веществ, состояний и т. п. Например, следовало знать о свойствах *жидкостей*, *пара* (газов), *светового луча*. О временных и пространственных параметрах окружающей человека действительности. Об органах чувств и чувственном восприятии объективного мира. И еще о многом-многом другом. Но подчеркнем, что знание это было «традиционным», а потому своеобразным – мифофольклорным, ритуально-сакральным, мистическим и магическим. Так, физика – как естественная наука – знает лишь ПЯТЬ чувств, при помощи которых человек и животное познают окружающий мир во всем его многообразии: *зрение*, *слух*, *осознание*, *обоняние*, *вкус*. А в мироощущении древнего человека было еще ДВА: чувство *любви* (= сексуальности, неосознанного влечения и, наконец, *либидо* – по Зигмунду Фрейду) и чувство *потустороннего* (как запредельного и одновременно как бы метафизического) – чувство присутствия мира невидимого, *непостижимого* и *страшного*, и потому опасного для всего живого, особенно для человека, знакомого с этим чувством *запредельности* (видения невидимого и осознание неосознаемого).

Тем самым в мифологическом мироощущении древних *чувств* было СЕМЬ, – как *дней недели*, как *цветов радуги*, как *звуков музыки*, как *оттенков вкуса* и т. п. Само магическое число семь предполагало совершенное познание мира во всем его многообразии, многообразии и непохожести его форм и сущностей. Характерно, что только современной науке стало по силам исследование импульсов «невидимого» – в контексте радиофизики, квантовой физики, исследования космоса и проч., а также в контексте психоневротической картины человеческого бытия (самым тесным образом связанного с традиционным чувством *любви* – сексуальными проявлениями личности).

В то же время не существует ни одной теории происхождения мира, т.е. ни одной теории происхождения миров и галактик, которая так или иначе не «вписывалась» бы в традиционные представления древних о *начале мира*, а точнее – не отражала бы этих представлений на уровне человеческого подсоз-

нения, будучи всегда проекцией архетипического, и не основывалась бы на них как на общей и изначальной психофизической модели человеческого мироощущения. И это потому, что представления наших предков о мире есть представления о его законах статических и динамических, о законах соответствия и подобия. Представления о «молекулярной» его структуре, где большое состоит из бесконечного числа малых частиц, и миров, принципе «малое в большом», соотношении микро- / (//) макро- космического. О принципе «большое в малом» (мир в капле воды; семя будущего дерева; крошечные вселенные в системе галактик; микромиры и микроорганизмы). И эти представления **н а ч и н а ю т с я** с условной точки отсчета «В начале было Слово...» как с некоего энергетического «первотолчка», в результате которого и **р а з в о р а ч и в а е т с я** во всем своем многообразии огромный и прекрасный мир вокруг человека.

Это, казалось бы, парадоксально, однако система мифологических представлений о модели мира, как проекция архетипического, – представлений о традиционной ММ с ее законами, внутренними причинно-следственными отношениями и т. п., последовательно отражает законы классической физики, а точнее сказать – данная система именно на этих объективных законах и построена. Даже теория относительности Альберта Эйнштейна не противоречит законам мира мифического, а скорее, как это ни удивительно, объясняет их – подробно, научно и оригинально. Вероятно, потому, что законы эти, на постижение и подтверждение (аргументированные доказательства) которых науке и человеческому разуму потребовались многие и многие века, составляют реальность человеческого бытия. И она, объективная реальность, отраженная некогда в архаике каждого мифа, определяет в любую эпоху сознание, а вслед за ним и все формы сознательной деятельности человека – деятельности практической, научной, а затем творческой, художественной и технической.

Надо сказать, что эту сложную – как теперь бы назвали, «философскую», – истину хорошо знали наши прапращуры: мир **в о к р у г** человека и мир **в н у т р и** человека есть один и тот же. Сегодня мы говорим о тождественности макрокосма и микрокосма. В «космосе человеческого тела», считали древние, каждая часть (внешнее) и каждый орган (внутреннее) соотносились с конкретной *планетой*, конкретным *созвездием* (на небесах), определенным *часом* (суток), *месяцем*, *годом* (во времени),

а также с определенной частью, к примеру, *дерева* (в пространстве), определенной *стихией* (на уровне духовного, нематериального). Соотносились и на уровне физическом, «реальном», и на уровне «идеальном», психофизическом.

Что же это за таинственный мир? Давайте попробуем на него взглянуть наивными глазами древнего европейца.

О законах времени этого мира мы уже упоминали. Однако четыре времени мира, т.е. *прошлое, настоящее, будущее* и предшествующее им некое *до-время*, или *мертвое время* (например, и время *мертвых*, отошедших уже их этого мира в мир иной), – и будут так называемой мифической осью мира, или *д(е)ревом мира*, в котором корни суть *до-время мира*, основание (или уровень почвы) суть *прошлое мира*, ствол суть *настоящее мира*, а ветви суть *будущее мира*. В мифологической ММ трехмерному пространству мира и его четвертому измерению соответствуют «трехмерное время мира и его, как бы, «четвертое измерение» – мифическое *до-время*, или *время мертвых*. Но «четырёхмерное» время (как мифологическая модель *времени мира*) потому как бы аналогично в своих категориальных параметрах четырёхмерному пространству (как модели *пространства мира*), что это не просто модель *времени мира*, а модель мифического пространства Времени Мира.

При этом вторая, собственно пространственная, есть в данном случае – и мифологическом контексте – не просто модель *пространства мира*, а модель мифического пространства Пространства Мира. И первой и второй из них присущи также трехчастные осевые: для Времени Мира – проекции пространственной его модели «в прошлом» // «в настоящем» // «в будущем», для Пространства Мира – «низ» // «середина» // «верх», при вертикальном разворачивании оси, или же ствола мирового дерева (что мифосемантически то же самое), либо «левое» // «центральное» // «правое» при ее горизонтальном разворачивании.

Дерево мира – это дерево непростое: оно, по тем же древним мифологическим представлениям, одновременно и возможно – что вне мифа было бы нереально – двойственно и удвоенно. В первом случае как два дерева, сросшиеся корнями, – собственно древо мира и древо жизни (двойственность; двоичность; биномность модели). Во втором случае – дерева-двойники, что, как зеркальное отражение, удваивают

сущность. Одно из «изображений» оси мира – деревья мира при этом традиционно обязательно *перевернуто*, т.е. зеркально обратно. Но, что особенно важно, древо мира – и это время нечеловеческого (и время до-человеческого) бытия, или время первотворения, время (со)творения жизни, – ориентировано верхушкой к северу и растет корнями в в е р х, а древо жизни – и это время человеческого (и время предчеловеческого) и время жизни (*природной* вообще) – ориентировано верхушкой к югу и, соответственно, растет «нормально»: корнями в н и з, а ветвями в в е р х.

Пространственные отношения мира мифического (а именно: для любой плоскостной проекции общей ММ обязательно ориентация на четыре стороны света, с невидимым центром, из которого растет – вверх или вниз – мифическое древо-ось) наиболее точно и полно в естественности выражает графическая «роза ветров». Однако объяснение этих мифических пространственных отношений настолько сложно, что потребовало бы обстоятельной монографии, посвященной лишь этому одному вопросу...

Характерно, что такое древо-ось в сюжетах мифологической сказки стоит в дремучем лесу, на поляне (это маркер того, что сюжет связан с представлениями о мифическом «периоде упорядочения сущего», в контексте ММ), либо растет на острове, посередине озера, моря, океана (это маркер того, что сюжет связан с представлениями о мифическом «периоде (со)творении мира»). Но, если бы мы думали, что представление о клочке суши в мировом океане у древних есть следствие окружающих человека бескрайности морских просторов, видимых глазу с берега, то мы бы одновременно и были бы правы и... ошибались. Ведь, к примеру, далеко не каждый прапредок людской был папуасом и жителем крошечного островка, затерявшегося в океане. А представления эти общие – и общие, если углубиться в исследование вопроса, для любой и каждой традиции. В частности, мы находим такой *островок* в устных сказаниях народов Сибири, знакомых разве что с «океаном тайги».

Все дело в том, что *земля в океане*, либо остров *Буян на море-окияне* (и это – у живших в дремучих лесах славян!), есть только одна из форм традиционного восприятия Начала Мира (мифического). Так, ее – для создания *острова* – поднимает со дна наверх мифическая *утка* (нырок), *утка* же приносит со дна

кусочек грязи для создания первого человека. Суть такого понимания Начала Мира в том, что вода окружает человека везде: изначально в *материнском лоне*; затем она не раз спасает его от преследования врага – так же, как беглеца, укрывшегося на *островке*, посреди *озера* или *реки*; она окружает его в *пору дождей*, обрушиваясь с *небес*; она выступает у его ног *из-под земли*; до нее, глубинной, можно добраться, вырыв *колодец* (даже в песчаной и знойной *пустыне*). Значит – вода находится везде вокруг нас? Именно она дает жизнь человеку и природе? Она питает все сущее? Способствует росту и множественности форм жизни?

А если так, то на что это более всего похоже, с точки зрения мифологической? «Человек в воде» и «земля в океане», при графическом изображении-проекции, окажутся удивительно схожи с древнейшими рисунками (наскальными, шаманскими, египетскими и др.) *зрачка в глазу* как символического обозначения *начала мира* и одновременно *бога-отца* – у любого архаического народа. Похожи также на «желток в белке» – на космическое яйцо Первотворения в хаосе-гнезде зарождающегося Мира-вселенной. И значит – на *яйцо Вселенной*. Но также похожи и на скатывающееся с лавки (у мифических *деда* и *бабы*) *золотое яичко*, снесенное *курочкой-рябой*. И еще найдется множество таких соответствий, т.к. мифологических аналогов и проекций креативного начала мира – зародыша в яйце и плода в материнском чреве – в любом фольклоре немало.

Будучи *моделью мира*, объемной ММ, первичное космическое яйцо имеет свою жесткую структуру: традиционно структура космоса состояла из *деяти сфер* (очерченных *влиянием* – или *движением* – *деяти планет*), а структура земли – из *деяти сферических слоев*. ДЕВЯТЬ – это магическое *число воспроизведения жизни*, и потому символизирует оно 1) материнскую утробу, или зачатие; 2) созревающий плод; 3) пору, т.е. время, сбора урожая. Или же число ДЕВЯТЬ представимо как 1) пространство в р е м е н и зачатия; 2) пространство в р е м е н и созревания; 3) пространство в р е м е н и урожая.

При этом каждый из этих *трех слоев времени жизни*, из которых состоит мифическое *число девять*, так же *трехслойен*, представляя из себя традиционную модель «*три в трех*»; т.е. каждый из этих «трехслойных» *слоев* может и должен рассмат-

риваться как самостоятельное яйцо первотворения. Чтобы представить себе эту сложную мифологическую структуру достаточно вспомнить три матрёшки (вставленные друг в друга). Кстати, лубочная форма русской *матрёшки* – так же, как и игрушки-«неваляшки», *ванька-встанька*, – воспроизводит именно крашеное яйцо (как *крашеное пасхальное*, но при этом *деревянное*, вроде «писанки», что также является примитивной проекцией объемной модели мира).

И собственно яйцо действительно состоит из *трех* качественно разных структур: 1) *скорлупа*, 2) *белок* и 3) *желток*. Поскольку каждая из этих структур, по мифическим законам жизни и зарождения жизни, подчинена закону триединства времени мира (*прошлое – настоящее – будущее*), то пространство жизни (или три в одном – т.е. в *яйце*) в своем единстве со временем жизни (так же – три в одном, но уже как ось времени мира) дает все то же магическое число древних, девять. *Девять сфер космоса* – это яйцо космическое. *Девять сфер земли* – это яйцо живородящее, *источник и первопричина* жизни. Так что философские споры о том, «что было раньше – яйцо или курица?» не абсурдны и даже не метафизичны (как их привыкли называть, следуя в этом вопросе школьным учебникам): они просто мифологичны. А потому представляют интерес для серьезного научного исследования.

Итак, первые *карты мира* изображали, по Фламариону, то же самое «яйцо» (земля среди мировых вод; такой были и *карта Земли* по Помпонию Мелы, и *овальная Земля* схоластов) или «глаз» (как *на карте Земли* по Посидонию). А, к примеру, Козьма Индикоплект в шестом столетии представлял, что *Земля* и *Вселенная* имеют форму некоего «сундучка» – в соответствии с описанием *ковчега* в Библии.

Интересно, что в фольклорной сказке (в частности – славянской) из *яйца* и *ларца* (того же *сундучка*) равно возможно развернуть *терем*, *замок* или целый *город* – традиционно значимые как пространственная модель мира и пространственная модель женского продуктивного. Туда же, в волшебное яйцо (*золотое, серебряное* или *медное*), либо в *ларчик* (сделанный из тех же *металлов*), они и сворачиваются (прячутся) – по приказанию хозяина, что сродни *сматыванию клубка нити* (жизни) и *возвращению в материнское лоно* (к началу начал, например, человеческой жизни).

Представление же о *ларце*, *сундуке*, а также *ковчеге* как о креативном начале мира и сущего (начале, уже оформленном в модель мира и потому обладающем свойством развертывания и свертывания собственной модели) весьма любопытно тем, что подобную *форму мира* мы находим в символике архитектурных *арок* (особенно в строениях культового назначения, в контексте разных культур и народов), *дверей*, *врат* и *окон*, а также в символике *формы алтарей* и *головных уборов* (в частности – *головных уборов культового облачения*, *ритуальных плясок*, *свадебного наряда*). Та же *форма* – как традиционная форма *моделирования мира* – распространена так же, как *форма элементов народных украшений* (*кокошник*, *серьги*, *кольешейник*, *пояс* и др.).

Ее же мы обнаруживаем и в графическом рисунке-модели *детской игры в «классы»* у восточных славян, как и у других европейцев. Мы не раз обращались к этому интереснейшему вопросу в своих работах – как в отдельных статьях, так и в контексте других публикаций (в частности, на материале аналогичных *игр* у болгар). И будем еще обращаться к так называемой *игре в «классы»* до тех пор, пока этот фольклорный феномен, характерный для разных культур европейцев, не будет нами всесторонне проанализирован и описан. Кроме того, подготовлена монография, посвященная описанию и структурно-семантическому анализу метазнаковой системы *русской народной игры* как таковой, а также лингвокультурологический словарь на ту же тему. Надо сказать, что именно эта *игра* может в наиболее простой и доступной форме объяснить нам – так же, как многие века объясняла это и играющим в нее детям, – сложную структуру мифического Мира.

Напомним схематично тот тип *игры в «классы»*, о которой пойдет речь. Рисунок, сделанный прямо на земле, представляет собой вытянутый вверх прямоугольник, состоящий из ДЕСЯТИ, крайне редко ВОСЬМИ, квадратов (но у древних квадрат и прямоугольник не различались, поскольку главным, а потому определяющим их суть, было наличие *четырех сторон* и *прямых углов*). Он разделен вертикальной чертой пополам (на *правое* и *левое*), а каждая из *половин* – разделена горизонтальными чертами на ПЯТЬ квадратов. Они (квадраты) расположены, как этажи, друг над другом (моделируя тем самым пять уровней мира; и соответственно – пять миров: два нижних (*невидимых* и *нечеловеческих*), один видимый и че-

ловеческий (или назовем его еще *серединный*), а также два верхних (тоже *невидимых* и *нечеловеческих* – один средний и один верхний). Расположение таких игровых квадратов напоминает также *ступени лестницы*, и *лестница* эта ведет в *небо* – соответственно традиционно вертикальному развертыванию *модели мира* и *пяти миров*. Правая сторона-лестница моделирует мир видимого, а левая сторона-лестница – мир невидимого.

Итого, прямоугольник содержит в себе десять квадратов, а каждый наш «пятиэтажный домик» имеет с другим таким же «домиком» одну общую *линию-стенку* и самостоятельную *округлую крышу* (как *крышка ларца*, или *ковчега*) – одна из них называется в игре РАЙ (*правая*), а другая АД (*левая*). Смысл игры, так же традиционный и потому мифологически осмысленный, здесь нас интересовать не будет, поскольку описать его очень сложно, особенно в рамках одной статьи.

Так же, как наши два условных «домика» – хотя весь рисунок, моделируя мир, одновременно моделирует и действительно *дом* (как мир = *тело* и мир = *микрокосм*) – имеют *общую стенку*, или точнее – *грань соприкосновения*, т.е. примыкают друг к другу, неразделимы друг с другом, так и мир видимого (*человеческий*) с миром невидимого (*нечеловеческим*) – не отделимы друг от друга в мифологическом мироощущении архаичных народов. В данной игре *миру видимому* соответствует «половинка-домик» под крышей «рай», т.е. *вечная жизнь*, а *миру невидимому* – «половинка-домик» под крышей «ад», т.е. *смерть*. Пять «этажей-квадратов» внутри каждого из них традиционно символизируют *пространство жизни* (человека), под крышей «рай», и *пространство смерти* (человека), под крышей «ад». И в обоих случаях моделировать такое *пространство*, т.е. каждый квадрат, будут четыре стороны света с центром посередине.

По логике мифа, пространство способно разворачиваться линейно, а именно: горизонтально – от точки *рождения* до точки *смерти* – оно разворачивается для человека в *дорогу жизни* (или же, в зависимости от мифологического контекста, в *дорогу смерти*); и вертикально – оно разворачивается в «классы» (как в детской игре; т.е. в модель поэтапного развертывания пространства в *ремени* мира, или в *древо жизни*) и одновременно, но уже для рода человеческого – в ось жизни (или ось смерти).

Если еще раз обратиться к текстам европейской сказки, то путь смерти, или «развертывание» горизонтального пространства, будет выглядеть, в частности, так: последовательный переход героя из *царства* в *царство* – *железное, медное, серебряное, золотое* и, что традиционно значимо как «сама смерть» – *деревянное* или *невидимое, хрустальное, стеклянное* (как *сердцевина* и как *конечный итог долгого пути*). Такое же поэтапное и наглядное «развертывание» вертикального пространства встречается в сказке гораздо реже: это *башня* (с такими же и в той же последовательности поднимающимися кверху этажами); или *горы*; причем *замки, башни* сделаны из тех же мифологически значимых *материалов*; иногда даже *деревья* (однако из тех же *металлов*). Центр при этом может быть также *каменным*.

Что же это за таинственные «полукруглые крыши», замыкающие в игре наши «домики-классы»? Это не что иное – как скорлупа яйца (и в этом игровом контексте – яйца мира) а, тем самым, как бы крыша мира, т.е. *оболочка мира невидимого (нечеловеческого)*, в которую традиционно заключен наш *мир видимого (человеческий)*. Если первый (*невидимый*) представлялся праевропейцам в виде описанного круга (на плоскости – это его *две половинки* «завершают» и «закljučают» вертикальные модели миров видимого и невидимого; как ММ плоскостная) или шара (объемно; как ММ объемная), то второй (*видимый*) представлялся в виде квадрата (на плоскости) или куба (объемно). Причем КРУГ или ШАР невидимого был, в архаической системе мира, всегда описан вокруг КВАДРАТА или КУБА видимого. Тем самым, хорошо просматривается соотнесенность Мира Объективного и Мира Субъективного. Вот и модель Земли и Вселенной Козьмы Индикоплекста: волшебный «ларчик-ковчег», внутри которого содержится целый «мир»!

Но если у Козьмы наш мифический *мир* дается как бы в разрезе, то у схоласта Беда Достопочтенного, а также по представлениям ряда средневековых христианских и арабских географов, представлявших *Землю* (и *Вселенную*) в виде яйца, та же самая модель просто дается... снa ружи. Это то же самое сказочное *яйцо*, в котором спрятан *терем мира – мира*, пока еще не видимого.

Ниже приведем описание *Земли*, принадлежащее Бедо Достопочтенному, ученому схоласту Средневековья:

«Земля есть элемент, помещенный в середине мира; она находится в середине вселенной, подобно желтку, находящемуся в середине яйца; вокруг нее находится вода, как вокруг яичного желтка белок; вокруг воды находится воздух, как вокруг яичного белка находится содержащая его оболочка, и все это окружено огнем, уподобляющемся яичной скорлупе. Итак, Земля помещена в середине мира и принимает на себя всю его тяжесть; хотя по своей природе она холодна и суха в различных своих частях, она случайно приобретает различные качества: ибо часть, подверженная знойному действию воздуха, сожжена Солнцем и необитаема; обе ее оконечности холодны и тоже необитаемы; но часть, находящаяся в умеренном поясе воздуха, обитаема.

... Океан, окружающий своими волнами края Земли, стоящий почти на одной высоте с горизонтом, разделяет ее на две части, из которых мы занимаем верхнюю, а наши антиподы нижнюю; впрочем, никто из нас не может перейти к ним, и никто из них не может перейти к нам» (Цитируем по Фламарину).

Нет, великий схоласт не заблуждался: он просто описывал мифологическую структуру мира-«яйца». И в этой структуре «нижний мир» (мир антиподов) был не что иное, как *мир невидимого* и *мир мертвых*, в то время как «верхний мир» был *миром видимого* и *миром живых*.

И любой из язычников – коими были представители древних культур для средневековых монахов-ученых – чувствовал себя в безопасности, т.е. полностью защищенным от *внешнего* и всегда *страшного мира* (опасностей, как правило, *невидимых, внезапных* и *нечеловеческих*), только в том случае, если окружал себя некими границами «своего» – надежного, прочного, спасительного. Такой границей был, например, частокол, или вообще забор – *деревянный* или *каменный*, ров или огнища, окружавшие *стан, лагерь* древнего племени, первых лесных поселений или разбивших походные шатры воинов. Отсюда, в частности, русское выражение «(о)город городить».

А *городили города* в Средние века в труднодоступных местах и окружали свое пристанище *несколькими рядами стен*: посчитать в сказке, сколько «*внутренних дворов*» приходится миновать герою, пока он достигнет наконец своей цели – *жарптицы* или *царь-девицы*! Посчитать, сколько *стен* и *препятствий* (или *испытаний*) ему суждено преодолеть! По сути дела,

это – та же мифологическая модель мира – и модель женского креативного (и продуктивного пространства): защитные сферы-оболочки, которых ТРИ (и ТРИЖДЫ ТРИ, или ДЕВЯТЬ), реже – ШЕСТЬ либо ДВЕНАДЦАТЬ. В магическом счете, т.е. в традиционной семантике чисел, и кроется разгадка моделирования – сказочного, но объективного в архаическом понимании, – мира: «3» = ось мира и время мира; «3 x 3» = креативное время и время продуктивное; «3 x 2» = совершенное время (невидимого + видимого); «3 x 6» = полнота времени и круглый год (жизни и смерти). Человек оказывается вписанным в КРУГ времени, а точнее – в круги времени, разбегающиеся вокруг него, по логике мифа – крошечного «камешка» жизни, как круги на воде. И, чтобы уберечь себя от внешнего зла (чужого, недоброго, нечеловеческого, враждебного) нашим предкам приходилось возводить вокруг себя искусственный мир, полное подобие мира большого и настоящего (= мира реального).

Таким «рукотворным миром» ограждали себя живые. Буквально все: дом, двор, город, повозка, одежда, даже украшения (а возможно, что в первую очередь последние) – все воспроизводило модель мира во множестве ее частных (репродуктивных) моделей, как бы создавало для человека некое «поле безопасности». Сродни тому, которое мы находим в русской сказке у спрятанной «смерти Ка(о)щеев» (нередко даже спрятанной в ларце или в сундуке, подвешенном цепями к дереву, в центре пустынного острова): кощеева смерть находится внутри и в центре многих защитных сфер, вложенных – как те же «матрешки» – друг в друга (игла – в яйце; яйцо – в утке; утка – в зайце и т.д.; выбор животных в этом случае также неслучаен). Все это – «несвое» (а в данной сказке как бы «не Кащеево»), «внешнее», пришедшее «издалека» – воспринималось архаичными культурами как «мертвое», «нечеловеческое», «с того света» пришлое, а потому всегда опасное и несущее для живого смерть. Вспомним хотя бы Вселенную средневекового схоласта, окруженную всепоглощающим огнем...

В то же время – и этого требовала забота о собственной безопасности – человек старался окружить искусственным «рукотворным миром» и все мертвое (как свое, так и несвое, чужое), и все нечеловеческое, также таящие в себе опасность для живых. Так, если живой человек, обладая домом = телом, надевал на себя дом = одежду и возводил вокруг себя еще один дом (жилище), а вокруг него двор, затем вокруг город

и *стены-крепость*, то и мертвый человек требовал от живых такой же защиты: его *домом* (= *телом* и *одеждой*) становились, соответственно, окружающие тело умершего *саван, гроб, могила, курган, погост, кладбище*. Поэтому, к примеру, у восточных славян *покойник в гробу* был традиционно соотнесен с *мясным пирожком*, обязательным для каждого за *поминальным столом*, а *погост* – с *коробом таких пирожков* (с мясом).

Интересно, что древние точно высчитывали, какое пространство необходимо *умершему*, чтобы он не мог навредить живым, а также то, на каком расстоянии от живых его следует *похоронить*. Останки самых близких родных зарывались – например, у славян – *под порогом дома* (они были *защитниками рода*), а размеры *погребального кургана*, очевидно, зависели от «силы» покойника (родовой и магической). Чем больше у мертвого силы, тем большее должно быть пространство – *внутри кургана*, и тем *холм* соответственно должен быть *выше*; тем же правилом руководствовались и египтяне при строительстве *пирамид*. Так, в древности для каждого *фараона*, по мифологическим представлениям, наделенного тем или иным *количеством магической силы*, жрецы-маги определяли размеры будущей пирамиды – причем такие размеры, чтобы дух покойного не смог из нее выйти, если бы захотел этого *после смерти*.

Но, пожалуй, самым удивительным моделированием «защитного мира» является любая *национальная одежда*. Для каких бы нужд она ни предназначалась – она будничная или праздничная, ритуальная или княжеская, свадебный наряд или обряжение покойника, – она всегда создает полную картину мифологических представлений о *мире*. О его времени и пространстве. О его мифическом разделении на *мир верхний, мир средний, мир нижний* и *мир «самый» нижний* (или *хтонический*).

В частности, *кокошник* (женский головной убор) либо *шапка* (мужской убор) моделируют, к примеру, *внешний купол Вселенной* и *купол небес*; *серьги в ушах* – перекатывающиеся по небосклону *ночное* и *дневное светила* (которые, как *серьги в ушах*, никогда не встречаются), что подробно описано, например, в монографических работах Б. А. Рыбакова и А. Голана. Орнамент на одежде всегда имеет мифологический смысл. Так, размещенный *по горловине, рукавам, низу* ее он значим как магические круги *оберега*. В народе особое внимание уделяя-

лось этим необходимым «дырам в платье», поэтому рукава, ворот или воротник, полы кафтана и даже шубы, низ рубахи, сарафана, платья тщательно украшались защитным рисунком-вышивкой (часто вышивкой крестом или мережкой), а также перетягивались шнурками, тесьмой (чтобы не допустить проникновение «под платье» чужого, нечистого). На поясах, кушаках, рукавицах, а также на предметах домашнего обихода – полотенцах, прялках, посуде и проч. – всегда размещены и символы плодородия.

...Маленький мир-человек, или мир = человек, затерянный в огромном мире-природе – во Вселенной и Космосе. Чтобы чувствовать себя хотя бы в относительной безопасности, ему нужно было шаг за шагом познавать и осваивать этот окружающий мир – на свой собственный страх и риск. Вспомним, как сами внезапно застываем, насторожившись в ночной темноте от неожиданного резкого звука, и как отступаем на шаг в сторону с протоптанной другими тропы. Крошечный, видимый человеку, мир обступает огромный, ему не видимый, мир – неведомый, мифический и таинственный...

© Надель-Червиньска М., 2009